

УДК 94

**ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ И ПОЛЬША
В «СТАТЕЙНЫХ СПИСКАХ» ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА XVI ВЕКА:
ОПЫТ ОПИСАНИЯ ИНОСТРАННОЙ МОНАРХИИ**

© 2017 г.

П.А. Толмачев

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

tolmatshev@mail.ru

Поступила в редакцию 01.02.2017

Проведен дискурсивный анализ статейных списков русских посольских книг по связям России с Великим княжеством Литовским и Польским королевством в 1494–1583 гг. Отмечены черты монархии Польши и Литвы, запечатленные в списках посольских дел и вестей в историческом развитии за отмеченный период. Анализ затрагивает область политической культуры Московской Руси и Речи Посполитой, повлиявшей на форму передачи русскими послами иностранных реалий.

Ключевые слова: послы, посольские книги, статейные списки, Литва, Польша, русская монархия, дискурсивный анализ, рада, сейм, король, местничество.

Статьные списки являются одними из наиболее репрезентативных письменных источников по сведениям, получаемым Московской монархией о внешнем политическом мире. Посольские отчеты XVI в. в ряде случаев привлекались исследователями. Н.А. Казакова при изучении уровня знаний позднесредневековой России о делах Западной Европы обращалась в основном к посольским связям со Священной римской империей, дав высокую оценку информированности посольской службы [1]. Л. Юзефович, в том числе опираясь на посольские вести, описал значительную часть посольских обрядов [2, 3]. Статья К. Расмуссена содержит обзор посольских наказов (памятей), содержащих формуляры для статейных списков XVI века. Историк выделил преимущественные области внешнеполитических связей и вопросы, интересовавшие русские посольства [4, с. 87–99]. Отдельно теме изложения внутриполитического положения Речи Посполитой в 1576–1582 гг. посвящена статья А.В. Виноградова [5, с. 33–38]. Мне представляется немаловажным дать дискурсивный анализ спискам посольских дел и спискам посольских вестей, предметом которого являются черты монархии Литвы и Польши, отображенные в русском посольском нарративе. В методологическом плане исследование носит антропологический характер, также мне близок подход А.И. Филошкина, впервые применившего дискурсивный анализ к русским посольским документам [6, с. 92–214], в некоторой мере и работы К.Ю. Ерусалимского [7]. Задача состоит не в выяснении степени точности русских посольских вестей иностранным реалиям или уровня их информативности, хоть

это также учитывается в анализе, но в особенностях восприятия, адаптации и фильтрации посольским нарративом политических форм западного соседа.

Трудностью данного подхода к посольским вестям является явная недостаточность информационной базы одних лишь вестей для выполнения этой задачи, тем более что часть из них просто отсутствует. Это делает необходимым обращение к широкому багажу материалов по политической культуре Московии, а также Литвы и в определенной мере Польши. Другую проблему, вытекающую из первой, можно обозначить проще: когда система была принята, а когда запечатлена письменно? В конце концов, надо учесть, что посольские отчеты, строго говоря, не описывали монархию – они отвечали на задачи, поставленные перед посольской миссией. Но это не исключает дискурсивного подтекста посольских отчетов и конструирования относительно общей картины иностранной монархии, запечатлеваемой от одного статейного списка к другому, что несколько оправдывает использование термина «описание». Обращусь вначале к самим спискам посольских дел и вестей.

Первичные грамоты, содержавшие непосредственные донесения послов, откладывались в столбцах, но за XVI в. они сохранились, за редкими исключениями, только в посольских книгах. Очевидно, не все отчеты переписывались в посольские книги, так что стоит иметь в виду, что мы часто имеем неполный результат посольских отчетов. Отчеты русских послов, то есть статейные списки, как известно, можно разделить на списки посольских дел, включающие информацию о том, как исполнялось само

посольское дело, и списки посольских вестей, куда вносилась разведывательная информация. Полный отчет послов представляется таким: сначала послы готовили и отправляли первые списки дел и вестей, обычно вскоре после решения главной цели посольского дела, находясь на пути к своему государю из двора короля. Эти грамоты были довольно краткими. С ними также при необходимости государю могли быть отправлены грамоты с запросом новых инструкций. Подробные списки государь получал уже при возвращении послов в его резиденцию. Указанная идеальная структура в посольских книгах далеко не всегда отражена. В относительно полной мере данная композиция начинает встречаться только в 70–80-е гг. XVI в., начиная с посольства М.Д. Карпова, П.И. Головина и К. Грамотина 1578–1579 гг. Требовать от посольских книг соблюдения данной формы не нужно. Видимо, часть из этих списков не попала в книги каким-либо случайным образом, объяснимым или необъяснимым, например у посольств Сицкого 1580–1581 гг., Пушкина 1581 г. и Елецкого в Ям-Заполье в 1582 г. списков вестей в посольских книгах нет, видимо, это связано с условиями работы данных посольств в трудных военных условиях. В то же время сложно случайными факторами объяснить отсутствие внесения списков вестей в литовские посольские книги на протяжении почти всей первой половины XVI века. Списки посольских дел появляются на страницах книг значительно раньше вестей, объяснить это можно принципом комплектования книг. Книга воспроизводит память посольского обычая, запечатлевая его основу: прием, правление посольства, путь посла, процедура подписания грамоты и присяги, после обычая описывается все более подробно. Обычай включает церемониал, пусть в ранних описаниях очень простой и короткий, но важный для посольского дела как ритуального акта.

Впервые мы встречаем очень краткие «посольские вести» гонца дьяка Ивана Курицына 1524 г., правда, не выделенные отдельным списком, но продолжающие список посольских дел [8, с. 691]. Впервые в упорядоченном виде список вестей содержит посольство бояр Василия Морозова, Семена Воронцова и дьяка Постника Губина 1542 г. [8, с. 200–203]. Сформулированные указы о сборе вестей фиксируются в посольских книгах по связям с Великим княжеством Литовским (далее – ВКЛ) с 1505 г. [8, с. 473], значит, были и списки вестей, но в составленные книги они не попали. По всей видимости, заносить их сочли ненужным, как и во многих других случаях. Заметим, что списки вестей

в посольских книгах по связям с Крымом встречаются значительно раньше – с 1491 г. [9, с. 111–114]. Именно списки дел содержат наибольший объем информации, используемой мной. Списки посольских вестей включали разведывательную информацию и, не имея еще той привязанности к обычаю, нашли позднее отражение в книгах. Информация последних чаще всего касалась сношений польско-литовского короля с иными государями, поэтому привлекается мной несколько реже. Тем не менее они презентуют место короля в иерархии государей, нередко они также содержат известия о внутривосточных событиях [10, с. 800–803; 11, с. 543 об. – 543 а], как и списки посольских дел также иногда содержат сведения о внешних связях.

Следует представить некоторые положения, относительно дискурсивного отображения польско-литовской монархии на страницах посольских вестей.

1. Представление об иерархии (местничестве), лежавшее в основе описания политической системы ВКЛ и Польши.

2. Неясные или новые формы политической жизни при трудности их занесения в привычные рамки политического мировоззрения московской монархии приковывали внимание вестей как ошибочные и разрушительные для порядка явления. Подобным образом произошло с взглядом на Люблинскую унию, правление короля Стефана Батория и его взаимоотношения с радными панями и шляхтой.

3. Сословная монархия Литвы и Польши как таковая в убедительном виде не нашла отражения в посольских списках, но на протяжении изучаемого периода непроизвольно возрос интерес к сейму. Причиной тому стало сначала бескорольеве, вынудившее русских посланников в отсутствие короля вращаться в кругах литовской и польской знати, но в еще большей мере правление Стефана Батория, при котором в Речи Посполитой утвердился на практике опыт частого созыва вального сейма. В оценке сейма, как совета и собрания (съезда) всей земли, его возросшие сила и возможности представляются наглядным маркером устройства Речи Посполитой. Анализ, исходя из источников, в данном случае фокусируется на разборе восприятия русскими послами следующих политических слоев «польско-литовской» монархии: король, старшая знать, младшая знать. В действительности она представляет лестницу не из трех ступеней, а из множества, где каждый занимает свое место. Цементирует представленную систему иерархия, выраженная в местничестве.

В конце XV и до 40-х гг. XVI в. посольские списки дел представляют достаточно ограни-

ченный круг участвующих в придворном церемониале лиц. В связи с этим можно заметить, что важным пунктом развития восприятия московскими послами устройства Короны и Литвы является фиксирование роста значения рады. В первой половине XVI в. рада представлена на посольской церемонии фактически в рамках придворного совета (в основном ближней рады), участвующая на приеме послов и ведущая переговоры в ответной палате. Рада имеет силу только при государе, аналогично московскому совету (думе). Рады были: пана-рада (польская или литовская или они вместе), ближняя рада (она же именуется королевской радой) и тайная рада. Во время посольства князя Василия Патрикеева и князя Семена Ряполовского в 1494 г. в Вильно, согласно списку дел посольства, с литовской стороны участвовал узкий круг королевского двора. Послы зафиксировали в отчете несколько маршалков (высшие должностные лица Великого княжества Литовского), а докончание с посольским дьяком сверял один писарь [8, с. 141–142]. Данное докончание должно было подтвердить вечный мир, заключенный в Москве в 1494 г., что требовало присутствия на дворе короля не только ближней рады. Посольство совершенно не оставило сведений о переговорах, краткий список посольских дел отобразил в основном только процедуру заключения мира. Посольство Василия Григорьевича Морозова и Андрея Никитича Бутурлина 1522 г. было первым московским посольством, побывавшим в Кракове. Перед тем как послы узнали, что король примет их там, посольский пристав поочередно сообщал разные места аудиенции: сначала Вильно, потом Берестье, потом Петркув и, в конце концов, Краков [8, с. 667]. Основанием для этого была необходимость принять послов от других государей. В отличие от прошлого посольства здесь описаны переговоры в ответной палате. Описание переговоров представлено без подробностей: «да после того, государей поговорили с нами о миру, да не договорились ничего» [8, с. 669]. Следующее посольство, также бывшее в Кракове, Ивана Васильевича Ляцкого и Елизария Цыплятева в 1527 г., оставило очень краткое описание придворного церемониала [8, с. 748–752]. Посольская книга зафиксировала фактически сугубо церемониальные цели посольства И.В. Ляцкого: проследить за оформлением грамоты и подтверждением перемирия. В списке дел посланника Тимофея Хлуднева 1536 г. описание хода правления посольства в Вильно дано уже подробно, приведены и речи короля и речи его придворных [12, с. 60–61]. Но этого нельзя сказать о следующем списке дел посольства Василия Григорь-

евича Морозова, бывшего в Кракове в 1542 г. [12, с. 200–203]. В 1549 г. посольством Михаила Яковлевича Морозова подробно описан посольский церемониал [12, с. 328–330]. В списке дел посланника Романа Олферьева в 1559 г. количество бывших на церемонии приема лиц заметно больше, чем в прежних описаниях [12, с. 547]. Чтобы оценить развитие описания воспроизведения посольского обычая на дворах Литвы и Польши обратимся к тому, как отразилось восприятие русскими послами польской и литовской рады. Еще в 1502 г. литовская рада пожаловалась московской: «а тотъ листъ толко писанъ на послы господаря нашего, а на имя не выписуючи, ни коруны Полской, ни великого князства Литовского» [8, с. 340]. Возможно, со стороны Москвы это было результатом так называемой «титулатурной войны» [13, с. 12–49]. Взгляд на польскую и литовскую элиты как отдельные политические силы не был актуален для видения политического устройства королевских панств на протяжении всей первой половины и середины XVI в. Рада есть там, где присутствует король. Это подтверждают упомянутые мной списки дел посольств первой половины и середины XVI в.

Политические условия второй половины XVI в. изменяют порядок. В 1560 г. посольство Ф. Сукина должно было установить мирное докончание и заключить брачный договор Ивана IV на младшей сестре короля Екатерине Ягеллонке. Примечательным выглядит уклончивый ответ Сигизмунда II, откладывавшего с решением, ссылаясь на необходимость по данному вопросу связаться с иными государями и с отсутствовавшей на тот момент польской радой. Сестра короля родилась в Польше, чтобы собрать скарб и вено, требовалось, по словам короля, согласие польской рады [10, с. 13]. Ф. Сукин с товарищами попросили короля объявить, кто отправится в Москву в составе великого посольства. Ближняя рада заявила: «и вы видите сами, что при государе нашемъ литовские рады нетъ, и государь нашъ послалъ по литовскую раду» [10, с. 18]. При короле тогда не был собран сейм ВКЛ, хотя, судя по материалам посольства, присутствовала как ближняя рада, так и паны, не входившие тогда в раду [10, с. 11–12]. Но на этот раз соглашение не могло быть заключено привычным порядком. В этот раз король противопоставил требованиям послов обычай сословной монархии, который послы не рассчитывали встретить, так как ранее для решения дела достаточно было наличия королевского двора. В 1567 г. в памяти послу Федору Колычеву был дан измененный разведывательный формуляр, с наказом узнать взаимоотношения

польской и литовской рад между собой [10, р. 92–93]. Тяжелое физическое состояние короля могло подвигнуть посольскую службу поставить новые вопросы. В середине 50-х гг. Сигизмунд II Август тяжело болел, а отсутствие детей мужского пола у короля сделало вопрос о новом короле для русских посольств центром внимания. Тем не менее это не изменило установившиеся традиционные рамки посольского восприятия рады, о чем свидетельствует внимание послов к проблеме избрания государя. Посольство И.В. Воронцова 1556 г. оставило по поводу возможной королевской кончины вести, но там нет ни намека на что-то подобное сеймовой борьбе, хоть и упоминается напряженная атмосфера среди элиты [12, с. 530–531]. Впрочем, выздоровление Сигизмунда II приводит все временно в былое равновесие. В 1571 г. посол Г.Ф. Мещерский привез более подробные новости о внутривосточном положении Речи Посполитой. Его отчет передает кризисное положение государства. Состояние короля: слаб, болен и бездетен, быть на королевстве не хочет, хочет жить в особых городах, в Кнышине и Тыкоцыне, также предпочел польскую землю литовской. Король также предложил раде выбрать нового государя, откуда они хотят [10, с. 800–807]. В этих словах отражаются некоторые итоги Люблинской унии [13, с. 815–850]. Известно, что по решению сейма король предоставил сеймовым сословиям свободное право выбрать себе монарха, а также отказался от династических прав на ВКЛ. Сигизмунд II, как и все Ягеллоны до него, был государь, унаследовавший корону по рождению, поэтому, несмотря на ряд дипломатических инцидентов, нарушение порядка привычной иерархии, отобразившееся в посольских вестях, произошло только после бескоролья и связано со знакомством послов с необычным для московской традиции польско-литовского понимания избранного сеймом государя.

В 1576 г. на престол Речи Посполитой взшел трансильванский воевода Стефан Баторий. Положению Стефана Батория в иерархии государей русские послы стали уделять более пристальное внимание. Правитель Семиградского воеводства находился под верховной властью Османов, соответственно, с точки зрения царя, новый король Речи Посполитой был голдовником султана. В 1579 г. посольство П.И. Головина и К. Грамотина извещало Грозного о казни по повелению Батория нелегитимного молдавского господаря Ивана Подковы в Львове. Казнь была осуществлена по требованию турецкого султана [14, л. 34–34 об.]. В 1582 г. посольство Д.П. Елецкого, И. Пушкина и Д. Петелина принесло известия о казни в Львове друго-

го молдавского господаря, Янки Сасула, но уже по требованию Стефана Батория [11, л. 535–535 об.]. Послы как будто объяснили неоговоренную старым посольством причину казни Ивана Подковы в 1578 г. Стефан султану «послушен» и имеет докончание с турецким султаном на том, что «грубых» людей с обеих сторон по требованию друг друга казнить [11, л. 540 об. – 541]. Посольство Елецкого также описало иерархию посольского приема при пиршестве на дворе султана Мурада III: выше всех сидел имперский посол, ниже него сидел кизилбашский (сефевидский посол), ниже – испанский, а еще ниже – посол литовского короля [11, л. 540 об.]. Но помимо этого Ивана Васильевича интересовало, насколько новый государь встроен в иерархическую лестницу самой Речи Посполитой, так как по уровню был, с точки зрения царя, равен ее высшим магнатам. Посольство П.И. Головина сообщило о сложностях принятия литовскими магнатами Батория, последние не хотели избирать Стефана, да и произошло это поневоле [14, л. 110 об. – 111 об.]. В то же время послы запечатлели ряд моментов, исходя из местнического мироустройства. Например, встречу Батория с М.Ю. Радзивиллом: «И в Кнышине дей у него был воевода виленской пан Миколай Радивил. Приезжал дей для того видети то, а без учтивости ж. И как дей к королю пришел и король дей был против его не всталъ и он дей не ударив челом королю из светлицы от короля пошел вон. И король встав сам воротил его и с ним помирился да и отцом его себе назвал и отпустил его из Кнышина с великой честью» [14, л. 113 об.]. Избрание государя вело к проблеме признания, в связи с чем посольство Головина старательно пыталось разведать, признают ли Стефана магнаты, герцог Курляндии, Гданьск и т.д. Не будет преувеличением сказать, что время правления Стефана Батория в Речи Посполитой в посольских вестях предстает временем постоянных внутренних и внешних кризисов. Постоянно сопутствует этому «не прирожденность» правителя.

Термин «прирожденный» для русской политической культуры был важнейшим показателем положения государя, регламентирующим привязанность к нему его подданных [14, л. 117 об.]. По словам посольства Дмитрия Елецкого, побывавшего в Польше в 1582 г., паны в споре со Стефаном Баторием по делу Яна Чарнковского напомнили королю, что он государь не прирожденный, а избранный [11, л. 543 об.], такая формулировка встречается в вестях не раз. Посольство П.И. Головина в 1579 г. упомянуло, что султан, отправив первое посольство в Польшу, написал короля своим голдовником.

Паны отправили султану послов с челобитьем, требуя писать короля Стефана, как и прежних королей. Поступок Мурада III оскорбил панов, но, заметим, не как подданных монарха, а как панов Короны и ВКЛ [14, л. 106 об.]. В итоге султан написал Стефана «приятелем» своим [14, л. 106–106 об.]. Тем не менее следующие московские послы также рассказывают о протестах Стефана Батория против очередных попыток султана именовать его голдовником [11, л. 754 об. – 755]. Сомнение в твердом положении Батория, по всей видимости, не покидало царя. В 1583 г. в наказе гонцу Семену Ододурову следовало узнать: жива ли королева, а если ее не стало, то как хотят люди держать у себя короля Стефана, или же хотят себе какого-то другого государя [11, л. 696 об.]. Отметим, что скорее из-за радных панов, нежели из-за короля Стефана, с точки зрения царя, нарушилась иерархия.

Польша, Литва и затем Речь Посполитая представляли республику знати, олицетворяли оба государства – сеймы с тремя сеймовыми сословиями: король, сенат и посольская изба. Как данное устройство могло быть отражено с точки зрения московской посольской службы? В 1554 г. царский сеунч Федор Вокшерин привез список дел, в нем впервые в литовских посольских книгах мы находим хоть и краткое, но описание местнической иерархии на королевском столовом церемониале [12, с. 454–456]. Но это был только столовый церемониал. Гораздо подробнее описание иерархии уже при королевском посольском приеме представлено в списке дел посольства Федора Колычева 1567 г. [10, с. 545]. В деталях она передана в списке вестей Григория Мещерского 1571 г. [10, с. 804–807]. Сравнительно позднее внимание посольских вестей к местничеству на раде вряд ли можно объяснить внутривосточными процессами в ВКЛ или Польше. Польские и литовские сеймы имели прочную регламентированную традицию с конца XV – начала XVI в.

В дальнейшем русские послы постоянно приносили подробные списки местнического порядка в польской и литовской раде. Объединение Литвы и Короны в Речь Посполитую в 1569 г. решительно не повлияло на изменение посольского взгляда на элиту или на политическую структуру монархии ВКЛ и Короны. В подтверждение этого обратим внимание на то, как посольство И. Канбарова в 1571 г. представило заключение Люблинской унии: «А полская рада и литовская меж себя посполито соединилися, тому другой год, что им стояти заодинъ полским людем Литве, а литовским людем Полше помогати без найму на своих пенезех, а именья им держати, полским людем в Литве, а литов-

ским в Полше по-прежнему; да и чины и всякие по замком давати посполитожь, литовским в Полше, а полским в Литве» [10, с. 804].

Посольство Канбарова и Мещерского не оставило описания непосредственно сеймовых преобразований Речи Посполитой, не отмечены и территориальные утраты Литвы. Понятие «посполито соединилися», скорее всего, следует оценивать в категориях русской средневековой терминологии, что значит быть в «одиначестве», то есть предпринимать совместные действия, находясь в союзе [15, с. 615]. Т.о., с точки зрения Москвы, Речь Посполитая после Люблинской унии представляет не единое политическое тело, а союз (одиначество) рад Польши и Литвы. Сейм после Люблинской унии в глазах русских послов – все тот же сейм, только с участием рад и ВКЛ и Польши. Кроме этого важной чертой «союза», отмеченной послами, являлось равноправие польской и литовской рад. Данное утверждение покажется убедительнее, если принять во внимание местнический или иерархичный взгляд на принципы построения и описания иностранной державы. В иерархию вписано каждое лицо Речи Посполитой, каждый пан, князь, как и король, включен в определенные правила, диктуемые местничеством, но включены туда не только лица, но и рады, земли, города. Каждое лицо, клан или корпорация, в том числе рада, соответственно должны строить политические или социальные связи по тем же самым категориям.

Русские послы, как в ментальном смысле еще люди Средневековья, не руководствовались абстрактными политическими категориями, но зато хорошо понимали «место» того или иного лица в иерархии. Это наглядно демонстрируют посольские наказы, предусматривающие встречу посланника с каким-либо лицом из знати ВКЛ и Польши. В них предусмотрен статус обратившегося к посланнику лица и ответ на обращение, соответствующий согласно статусу обратившегося, а также статусу самого посланника. Например, так отвечал гонец: «А будет наедет его которой королевской пан радной, а учнет о которых делех спрашивати или говорити. И ему отвечати так ты пан рада великой человекъ, а я паробок молодой у государя своего и мне с тобою говорити не пригоже... А будет наедет его дворянин великой человек панской или княженецкой сынъ, а не радной пан и учнет его о каких делех спрашивати, и Елизарью говорити так человек еси великой отец кой сынъ, а ещо тебе государь твой в раде быти не велел и мне потому с тобой тех дел говорити нельзя, а будет наедет его середний дворянин или шляхта молодой и учнет его о тех делех

спрашивать и ему говорити так мы люди молодые и о таких великих государьских делах говорить намъ не пригоже» [14, л. 231–232]. Отношения между элитой или правителя с элитой определяются в тех же политических категориях: например, в 1578 г. или 1579 г. послам сообщили: «и за то, дей, его [Курбского] паны *не любят* (выделено мной – П.Т.) для Остафья Волова, что он Остафею учинился *недруг*, да и король, дей, для того ж его *не любит*. А живет, дей, все въ имене, в городке в Ковеле, а *любил*, дей, его один пан Виленской Ян Яронимов, а ныне, дей, и тот его *не любит* для Остафья Волова» [14, л. 117]. Не следует видеть отлаженную систему, но политический язык мог отражать культурные и социальные формы. Если русские и представляли форму заключения договоров между радами, то, скорее всего, видели их по форме, напоминающей княжеские докончания. Тем не менее сеймовая основа Речи Посполитой осталась в посольских известиях не замеченной.

Начавшееся бескорольеве едва не разрушило польско-литовское единство. Примечательно, как территориальный спор Литвы и Короны позднее в 1575 г. отразился в донесении московского гонца Федора Ельчанинова: «Да сказывал мне в розговоре пан Григорей Волович, каштелян ноугородцкой, поляки дей у нас Киевым завладели х Польше. И яз ево спросал про князя Костянтина Острожского, еще ли у вас князь Костянтин воеводою на Киеве? И Григорей мне сказал, што дей ево и воеводство, а он дей не владеет ничем, всем дей владеют поляки. И вспрашивал яз Григорья о том, и не одинова, как поляки завладели Киевым и хто будет на Костянтиново место Острожского на Киеве? И Григорей сказал, што Киевом поляки завладели, а того не ведомо, кому быть на Костянтиново место Острожского на Киеве, про то ещо ведома нет» [16, с. 24–25]. Т.о., обстоятельства утраты Киева еще в то время, возможно, были не до конца ясны для Москвы, хоть они и были недвусмысленно оговорены на Люблинском сейме. Вести о земельных спорах Литвы и Польши были на слуху у литовской знати. Московские посланники требовали конкретики: способ завладения поляками Киевом тесно связывался с пребыванием у должности конкретного лица. Лишение владения должно было сопровождаться лишением места. Ясности Ельчанинов в этом вопросе добиться, очевидно, не сумел. Однако важным шагом в оценке преобразованного устройства соседа было усвоение русской посольской службой необходимости совместного решения рад Литвы и Польши, а также шляхетства обеих земель на общем съезде (вальном

сейме). Сейм или съезд русские посольские материалы фиксируют гораздо раньше, но как съезд всей земли с надлежащими полномочиями, как основу Речи Посполитой – открывают только с периода бескорольева, что имеет большое значение для последующего восприятия монархии. В наказе Янгличу Бастанову в июле 1575 г. предписывалось говорить речь от царя либо в присутствии одной литовской рады, либо при обеих радах вместе [16, с. 34–35]. Следующему посланнику, Луке Новосильцеву, предписывалось сначала быть у литовской рады, а потом у польской. Если они будут обе «посоплито» на сейме, то речь говорить ему у обеих рад, а грамоты следовало подать отдельно каждой раде: сначала литовской, а потом польской [16, с. 61–62].

Именно в период бескорольева шляхта как политическая сила появляется на страницах посольских вестей [16, с. 20–25; с. 74–81; с. 104–136]. Можно сказать: со времени посольства гонца Федора Ельчанинова русские посланники четко дают понять, что они на сейме. С того времени и наказы начинают упоминать шляхту. До этого в аналогичных наказах были только паны и королевские дворяне. Московские посольства каждый раз отмечали вспыхивающие конфликты шляхты с панами со времени бескорольевий 1572–1576 гг., чему основной причиной, со слов шляхты, стали попытки радных панов или короля уйти от совета со «всей землей» [16, с. 77–78]. В то же время после бескорольева шляхта начинает довольно редко упоминаться в посольских вестях. С одной стороны, за шляхтой отражен именно статус, позволяющий ей быть на сейме, как паны и король. С другой стороны, под шляхтой русские понимают «молодых людей», их статус соответствовал детям боярским в России. Шляхта как младшая знать в местнической иерархии не могла играть значительной роли. В период правления Батория, особенно во время «Московской войны» 1579–1582 гг., сейм становится объектом внимания русских послов, на нем принимаются решения, обсуждается взятие новых поборов, выплата дани в Крым, решение продолжать войну с царем или нет и пр. С ростом политической роли сейма в Речи Посполитой растет и круг информантов русских послов. С бескорольева московские посланники начинают фиксировать множество лиц, донесших им ту или иную весть. В статейном списке Янглича Бастанова в 1575 г. фигурируют: радные паны, шляхтичи, купцы, войты, бургомистры, мешчане [16, с. 81]. Круг информаторов посольства П.И. Головина можно охарактеризовать строками из посольской книги: «И сказывали и посломъ в

разговорах паны, шляхта и торговые люди многие и черные люди» [14, л. 105 об.]. Очевидно, быть на сейме – значит ближе к курсу дел.

К последним годам правления Ивана IV посольские миссии хорошо отражают работу сейма. Он мог избрать нового монарха, при отсутствии наследников у предыдущего, собрать денежные средства, выполнить судебную функцию, в частности шляхта могла отправиться на сейм «вопить» за свои права. Сейм, так же как и всегда, виделся как собрание элиты и совещание монарха с чинами королевства, но теперь заметна ведущая роль постановлений сейма в отношении войны и мира. Созывы сейма воспринимаются послами как установленный порядок, в то же время они зафиксировали и некоторый порядок его работы: король созывает на сейм послов с поветом, представляя поветам свою мысль [11, л. 538–538 об.].

Восприятие иной политической структуры обычно строится через призму собственного мировоззрения. Вопрос существования сословий в Московском государстве XVI в. является дискуссионным в историографии, я придерживаюсь позиции тех, кто отрицает применимость понятия сословной монархии к России того времени [17; 18, р. 465–489; 19]. Делались попытки сопоставить «земский собор» с сеймами Польши и Литвы [20, с. 176]. Еще М.К. Любавский полагал, что к моменту Люблинской унии сейм ВКЛ «был в существе дела конгрессом многочисленных литовско-русских господарей и их уполномоченных, с господарем великим князем во главе», на котором не было ни представителей мест, ни представителей большинства духовенства, ни полноценного шляхетского представительства [13, с. 849–850]. Но уозсть представительства сословных монархий, ограниченного каким-либо цензом, характерна для стран Европы того времени [21]. Сравнительный анализ земского собора с сеймом или другим институтом требует отдельной работы. Отмечу только, что приговорная грамота земского собора представляет явно министеральный характер обращения подданных к своему правителю. Собор сыграл ритуальное значение, знаменуя земское согласие монарха с чинами его государства, но не представлял институциональную площадку для разбора и принятия решений.

Эпоха Стефана Батория дает возможность впервые наглядно увидеть, как сеймовые артикулы регламентируют решения короля. Статуты отсылают к присяге, которую дал монарх всей земле. «И государь нашъ намъ на том присягал, что ему давно зашлых месть отыскивати и Лифлянская земля очистити» – неоднократно повторяли послам паны [22, л. 157 об. – 158]. В

спорах с монархом рада и шляхта также ссылались на присягу, что фиксировалось послами. Напряженная картина последующей за бескорольем внутривосточной ситуации скорее походила на смуту в расшатанной иерархии во главе с «неприрожденным» государем. В такой атмосфере посольские книги представляют сейм в период правления Стефана Батория. Не встретится в более ранних посольских известиях умаление монарших полномочий, столь не характерное для государства Ивана Грозного. Большой интерес проявляет посольская служба к роли сейма в проблеме наследования. Посольство Д.П. Елецкого в 1582 г. сообщало, что король просил панов выбрать преемника при его жизни, чтобы он знал, кто будет после него править, надеясь поставить на престол своего племянника Бальтазара (он, как послы, был на столовой церемонии). Также король хотел, чтобы преемника избрали те радные паны, которых он сам выберет, а не вся земля. Они должны были бы выбрать преемника короля при его жизни или после смерти. Баторий после возвращения от Пскова изъявил желание посадить наместником Ливонии Бальтазара, а после перемирия с Иоганном III – женить племянника на дочери шведского короля. Но паны, послы от всех поветов Польши и Литвы, отказали королю во всех его намерениях. Недовольны паны тем, что король сажает своего племянника на раде позади себя, а за столом – выше всех панов, и хотят, чтобы они сами, всей радой, решили, где ему сесть [11, л. 538–540]. Особо ненавистен многим панам канцлер Ян Замойский.

Среди прочих внутренних неурядиц послы отметили дело Яна Чарнковского. Ему еще Сигизмунд Август пообещал половину имущества казны своей сестры, после смерти ее мужа герцога Брауншвейг-Люненбургского, если он отвезет казну в Польшу. Баторий позвал Чарнковского и без панов рад попросил у него грамоту Сигизмунда, на что получил резкий отказ. В результате шляхта с поветов и паны, узнав об этом, «говорили королю жестоко». Заявили, что «он, дей, у них государь не прирожденный – обранной, и он бы все делал подле статут» [11, л. 543 об.]. Чем дальше – тем хуже. Семен Ододуров в июне 1583 г. по вестям от одного купца-смолянина докладывал о попытке Батория тайно бежать в Семиградье из Кракова, в итоге «с тех мест паны от короля блюдутца израды» [11, л. 759–759 об.]. «Да итога, дей, паны берегут накрепко, чтоб то слово не пронеслося в иные государства, покрывають, дей, свой сором» [11, л. 759 об.]. К тому же делу: «а болшое, дей, у них умышленье, чтоб всем владети паном, а не королю» [11, л. 760]. В 1582 г., после под-

тверждения перемирия в Варшаве, королевские приставы сказали русскому посольству: вся рада и земля говорят, что это государи между собой помирились, а панства нет, государя не станет, и мира не будет, и надо бы, чтоб «панство с панством помирилося» [11, л. 517 об.]. Мнение русской стороны характеризует ответ послов: «и преж сего также бывало: миритца государь з государем» [11, л. 518].

В итоге, бескоролья 1572–1576 гг. подняли интерес русских посольств к сейму как к политической основе Речи Посполитой. Окончательно вальный сейм Речи Посполитой открывается русскими посольствами в период правления Стефана Батория, в качестве политически неотъемлемого и могущественного собрания всей земли. Но послов интересовала монархия, а не «Речь Посполитая» (Республика). Республике знати не было места в русской политической культуре. Безмestье, вражеские нашествия, внутренние смуты, разве не могли – в глазах русских государей и послов – выглядеть божьей карой за нарушение заповеданной предками иерархии? В то же время рост детальности, размера и точности посольских отчетов не мог скрывать интереса к иному порядку, использующему свой опыт в трудные времена.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований: ««Свои» и «чужие»: феномен пограничья в Средние века и раннее Новое время в Восточной Европе как фактор формирования социо- и этнокультурной идентичности населения регионов», проект 15-21-01003 а(м).

Список литературы

1. Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности XV–XVII веков. Из истории международных культурных связей России. Л.: Наука, 1980. 227 с.
2. Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется...». Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М.: Международные отношения, 1988. 216 с.
3. Юзефович Л.А. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007. 440 с.
4. Rassmussen K. On the Information Level of the Muscovite Posol'skij Prikaz in the Sixteenth Century // Forschungen zur Osteuropaischen Geschichte. Wiesbaden, 1978. Bd. 24. P. 87–99.
5. Виноградов А.В. Внутриполитическое и внешнеполитическое положение Речи Посполитой в ставейных списках русских посольств в последние годы Ливонской войны // Смутное время в России: конфликт и диалог культур: Материалы научной конференции. СПб., 2012. С. 33–38.
6. Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 880 с.
7. Ерусалимский К.Ю. История на посольской службе. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 55 с.
8. СИРИО. СПб., 1882. Т. 35. 952 с.
9. СИРИО. СПб., 1894. Т. 41. 638 с.
10. СИРИО. СПб., 1892. Т. 71. 946 с.
11. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 14.
12. СИРИО. 1887. Т. 59. 708 с.
13. Любавский М.К. Литовско-русский сейм. М.: Издание императорского общества истории и древностей российских, 1900. 850 с.
14. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 11.
15. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Издание отделения русского языка и словесности императорской академии наук, 1902. Т. 2. 1802 с.
16. Посольская книга по связям России с Польшей (1575–1576) / Составитель тома: Л.В. Соболев // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Том VII. М. – Варшава: Древлехранилище, 2004. 158 с.
17. Kollmann N. Kinship and politics: The Making of the Muscovite Political System. 1345–1547. Stanford: Stanford University Press, 1987. 324 p.
18. Kivelson V. Muscovite «Citizenship»: Rights without Freedom // The Journal of Modern History. Chicago, 2002. № 74. P. 465–489.
19. Коллманн Н. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего Нового времени. М.: Древлехранилище, 2001. 459 с.
20. Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М.: Мысль, 1964. 535 с.
21. Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. М.: КДУ, 2011. 600 с.
22. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ед. хр. 12.

GRAND DUCHY OF LITHUANIA AND POLAND IN «AMBASSADOR'S REPORTS» OF THE 16TH-CENTURY DIPLOMATIC DEPARTMENT: A DESCRIPTION OF A FOREIGN MONARCHY

P.A. Tolmachev

This article presents a discursive analysis of ambassador's reports of Russian diplomatic books concerning the relations between Russia and the Grand Duchy of Lithuania and Poland in 1494 – 1583. We note some distinguishing features of the monarchy of Poland and Lithuania as reflected in Russian ambassador's reports. The analysis concerns the sphere of political culture of the Muscovite Rus' and the Polish-Lithuanian Commonwealth, which influenced the way the Russian ambassadors conveyed foreign realities.

Keywords: ambassadors, ambassadorial books, ambassador's reports, Lithuania, Poland, Russian monarchy, discursive analysis, Rada, Sejm, king, seniority.

References

1. Kazakova N.A. Zapadnaya Evropa v russkoj pis'mennosti XV–XVII vekov. Iz istorii mezhdunarodnyh kul'turnyh svyazej Rossii. L.: Nauka, 1980. 227 s.
2. Yuzefovich L.A. «Kak v posol'skih obyčajah vedetsya...». Russkij posol'skij obyčaj konca XV – nachala XVII v. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1988. 216 s.
3. Yuzefovich L.A. Put' posla. Russkij posol'skij obyčaj. Obihod. Ehtiket. Ceremonial. SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha, 2007. 440 s.
4. Rassmussen K. On the Information Level of the Muscovite Posol'skij Prikaz in the Sixteenth Century // Forschungen zur Osteuropaischen Geschichte. Wiesbaden, 1978. Bd. 24. P. 87–99.
5. Vinogradov A.V. Vnutripoliticheskoe i vneshnepoliticheskoe polozhenie Rechi Pospolitoj v statejnyh spiskah russkih posol'stv v poslednie gody Livonskoj vojny // Smutnoe vremya v Rossii: konflikt i dialog kul'tur: Materialy nauchnoj konferencii. SPb., 2012. S. 33–38.
6. Filyushkin A.I. Izobretaya pervuyu vojnu Rossii i Evropy. Baltijskie vojny vtoroj poloviny XVI v. glazami sovremennikov i potomkov. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2013. 880 s.
7. Erusalimskij K.Yu. Istoriya na posol'skoj sluzhbe. M.: GU VShEh, 2005. 55 s.
8. SIRIO. SPb., 1882. T. 35. 952 s.
9. SIRIO. SPb., 1894. T. 41. 638 s.
10. SIRIO. SPb., 1892. T. 71. 946 s.
11. RGADA. F. 79. Op. 1. Ed. hr. 14.
12. SIRIO. 1887. T. 59. 708 s.
13. Lyubavskij M.K. Litovsko-russkij sejm. M.: Izdanie imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostej rossijskih, 1900. 850 s.
14. RGADA. F. 79. Op. 1. Ed. hr. 11.
15. Sreznevskij I.I. Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam. SPb.: Izdanie otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti imperatorskoj akademii nauk, 1902. T. 2. 1802 s.
16. Posol'skaya kniga po svyazyam Rossii s Pol'shej (1575–1576) / Sostavitel' toma: L.V. Sobolev // Pamyatniki istorii Vostochnoj Evropy. Istochniki XV–XVII vv. Tom VII. M. – Varshava: Drevlekhranilishche, 2004. 158 s.
17. Kollmann N. Kinship and politics: The Making of the Muscovite Political System. 1345–1547. Stanford: Stanford University Press, 1987. 324 p.
18. Kivelson V. Muscovite «Citizenship»: Rights without Freedom // The Journal of Modern History. Chicago, 2002. № 74. P. 465–489.
19. Kollmann N. Soedinennye chest'yu. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego Novogo vremeni. M.: Drevlekhranilishche, 2001. 459 s.
20. Zimin A.A. Oprichnina Ivana Groznogo. M.: Mysl', 1964. 535 s.
21. Vlastnye instituty i dolzhnosti v Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremya. M.: KDU, 2011. 600 s.
22. RGADA. F. 79. Op. 1. Ed. hr. 12.